

«Провокаторы»: тайная война на Дальнем Востоке (конец 1930-х — начало 1940-х гг.)

© 2011

С. Тужилин

Статья посвящена истории противостояния советских и японских спецслужб на Дальнем Востоке накануне Великой Отечественной войны. В центре внимания автора — осуществленная приморскими чекистами операция «Провокаторы», в результате которой был сорван план создания японской диверсионной базы на советском Дальнем Востоке. В ходе следствия один из пленных разведчиков предложил свою помощь в возвращении из Японии в СССР Генриха Люшкова.
Ключевые слова: советский Дальний Восток, деятельность японских спецслужб, контрразведка, обороноспособность региона.

Накануне Великой Отечественной войны наиболее активная подрывная работа спецслужб Японии против советского Дальнего Востока велась через разведывательные управления штабов Квантунской и Корейской армий, а также через органы японских военных миссий в Харбине, Пограничной, Сахалине, Хайларе и других городах. Разведорганы Японии массово забрасывали кадровых агентов и шпионов, как правило, прошедших спецподготовку для работы в условиях СССР. Только на протяжении 1939–1941 гг. в приграничных городах и районах советского Дальнего Востока было задержано и разоблачено свыше 2,5 тыс. японских агентов¹ и выявлено почти 10 тыс. нарушителей границы².

В такой сложной оперативной обстановке советские органы государственной безопасности провели ряд уникальных операций и приняли определенные административные меры, направленные на пресечение подрывной деятельности японской разведки, которая к этому моменту заслужила репутацию одной из самых сильных в Северо-Восточной Азии. Под давлением НКВД правительство СССР приняло решение о закрытии большинства японских консульств, а их персонал покинул пределы страны. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 февраля 1938 г. было решено предложить руководству милитаристской державы сохранить свои консульства лишь во Владивостоке, Петропавловске-Камчатском и одно на Сахалине (на выбор: в Александровске или Охе)³. Принятые меры существенно снизили возможность использования представительств островного государства для ведения разведки с легальных позиций⁴.

Тем не менее, тайное противостояние между СССР и Японией, в том числе и из-за провокаций на границе, усиливалось. Особенно напряженной была обстановка в зоне ответственности приморских чекистов, т.к. именно данному региону в предвоенное время японская разведка уделяла особое внимание. В 1940 г. сотрудники 3-го (контрразведывательного) отдела Управления государственной безопасности (УГБ) Управления НКВД по Приморскому краю реализовали уникальную операцию «Провокаторы», которую впоследствии назовут «дальневосточным «Трестом».

Проведению дела в жизнь предшествовала длительная и сложная оперативная игра, в результате которой на нашу территорию было выведено 56 агентов, в числе которых оказался опытный японский разведчик Ли Хай Чен⁵. В 1977 г. из книги воспоминаний советских чекистов общественности впервые стали доступны фрагменты показаний плененного в августе 1945 г. офицера японской разведки Тогама Сатоси, согласно которым из 56 переброшенных в СССР агентов, обратно вернулись 14 чел.⁶ Разобраться, с какими именно целями и задачами покинула пределы нашей страны данная группа, еще предстоит исследователям, так как до сих пор многие материалы этой операции составляют тайну ведомственных архивов.

Ли Хай Чен, по данным УНКВД по Приморскому краю, являлся «руководителем контрреволюционной шпионской организации «Синкото», старым провокатором корейского народа, советником японского генералитета»⁷. С 1935 г. уроженец Кореи сотрудничал с генеральным штабом Японии, выполняя различные разведывательные задания в интересах военно-политического руководства милитаристской державы.

Ли продвигал перед японскими коллегами идею создания на территории советских Восточной Сибири и Приморья корейского государства по типу Маньчжоу Ди-Го и, заручившись их согласием, активно включился в процесс проведения подрывной работы против корейского освободительного движения и СССР. Для этой цели на территории Кореи им была создана резидентура японской разведки, которая выступала под прикрытием «коммунистической организации «Синхындон» («Вновь возрождающийся Восток»), ведущей борьбу против японцев за национальную независимость Кореи»⁸. Таким образом 2-й (разведывательный) отдел японского генерального штаба во главе с Ли Хай Ченом решил симитировать перед советскими спецслужбами и представителями Отдела международных связей Коминтерна наличие на оккупированных территориях Маньчжурии и Кореи подпольной коммунистической корейской организации⁹. Как впоследствии выяснят сотрудники советских органов госбезопасности, Ли Хай Чен совместно с представителями Генерального штаба Японии и «Общества черного дракона»¹⁰ рассчитывал создать на советском Дальнем Востоке собственную диверсионную базу и открыть канал легального проникновения выпускников разведшколы, специально для этого созданной в конце 1938 г. в г. Синьцзине. Данный план был утвержден Генеральным штабом и одобрен японским правительством.

Реализуя намеченный сценарий, при поддержке штаба Квантунской армии Ли Хай Чен организовал разведывательные курсы, которые прошли более 50 чел. С курсантами проводили занятия по стрельбе, бомбометанию, фото- и радиоделу, учили обращаться с взрывчаткой, приемам тайнописи, знакомили по макетам и плакатам с советской военной техникой, обучали различать рода войск, знаки различия, топографические обозначения на советских штабных картах и т.п.¹¹

При появлении на советской территории легенда у таких «студентов» была следующей: «Мы прибыли в СССР получить военное и политическое образование, после чего вернуться в Корею, где провести революционную работу для освобождения корейского народа»¹². В основном это было правдой, т.к. в состав «Синхындона» входили агенты японской разведки из числа корейцев, а также члены комсомола и коммунистической партии Кореи, которые не имели представления об истинных целях организации. Многие из них побывали в японских тюрьмах, где были духовно сломлены. Таким образом, Ли Хай Чен рассчитывал, что революционное прошлое этих людей придаст убедительность их легендам и не позволит советским контрразведчикам разгадать их намерения¹³.

Однако планам противника организовать на советской территории диверсионно-террористическое подполье в тылу на случай войны Японии с СССР, проникнуть в ряды Красной Армии, развернуть деятельность по сбору разведывательной информации и добиться от русских поставок оружия не суждено было сбыться благодаря выводу главных действующих лиц оперативной разработки на советскую территорию. 10 июля 1940 г. Ли

Хай Чен, Ким Ден Сан (он же в различных источниках фигурирует как Ким Ен Сун и Ким Ен Сан. — С.Т.) вместе с переводчиком Кван Хван Секом и телохранителем перешли в районе приморского поселка Полтавка советскую границу, где были встречены советскими пограничниками¹⁴. Переиграв Ли Хай Чена, чекисты вывели на нашу территорию его остальных агентов, которые, закончив разведшколу в Синьцзине, выполняли различные задания японской разведки, формально оставаясь членами «Синхындона». Все фигуранты дела «Провокаторы» были арестованы и в последствии преданы суду. 16 апреля 1941 г. Ли Хай Чен, тайно переведенный к этому времени в Бутырскую тюрьму, умер от острой сердечной недостаточности после объявления голодовки протеста¹⁵.

В период проведения следствия по делу «Провокаторы» один из фигурантов дела, кореец Ким Ен Сун, активно предлагал свои услуги советской контрразведке. В ходе очередного допроса он заявил, что знает о бегстве в Маньчжурию бывшего начальника УНКВД по Дальневосточному краю (УНКВД по ДВК) Г.С. Люшкова и предложил планы похищения беглого чекиста из Токио, куда к тому времени его переправили сотрудники японских спецслужб.

О бывшем начальнике УНКВД по ДВК написано довольно много¹⁶. В ночь с 12 на 13 июня 1938 г. он, воспользовавшись правами старшего начальника и введя в заблуждение начальника 59-го (Посьетского) погранотряда НКВД К.Е. Гребенника и заместителя начальника ИНО УГБ УНКВД по ДВК К.Н. Стрелкова, перешел советско-маньчжурскую границу и сдался японским оккупационным властям¹⁷.

Японские контрразведчики назвали это событие «побегом столетия», имея в виду высокое положение беглеца в советской иерархии и важность государственных секретов, которые он с собой прихватил. Люшков выдал японской разведке информацию о дислокации и численности войск, строительстве оборонительных сооружений на Дальнем Востоке и в Сибири, раскрыл военные радиокоды, а заодно и часть резидентуры НКВД в регионе. В частности, в написанной им и выпущенной в Шанхае в 1939 г. брошюре «Почему бегут из СССР?» Люшков писал, что «...Сталин подготовил на одном только Дальнем Востоке 270000-ную армию, состоящую приблизительно из 20 стрелковых дивизий. Если добавить сюда отряды ГПУ, то можно считать, что от восточного берега Байкала до дальневосточной границы расположено около 400000 чел. красноармейцев, причем на границе находится около 2000 истребителей и близ Владивостока 90 субмарин»¹⁸. Факт передачи Люшковым «исключительно ценных сведений»¹⁹ японцам подтверждается и другими документальными источниками. Стоит, однако, уточнить, что о масштабе предательства комиссара государственной безопасности 3 ранга Г.С. Люшкова у современных историков до сих пор нет единого мнения. Ряд исследователей предполагает, что Люшков выдал японцам ровно столько сведений, сколько хватило для получения политического убежища²⁰, пусть даже и временного. Американский же исследователь И. Куксин на основании материалов американских и японских архивов полагает, что «за всю историю многочисленных побегов и измен сотрудников советских органов безопасности Генрих Люшков нанес самый большой вред СССР»²¹.

9–11 сентября 1940 г. Ким Ен Сун предложил следователям три варианта плана похищения Люшкова. 12 сентября последовал еще один. Первый вариант предполагал проведение операции вблизи советско-маньчжурской или советско-корейской границ. Второй — изъятие Люшкова из Токио. Наиболее легким Ким Ен Сун посчитал третий вариант плана — убийство бывшего начальника УНКВД по ДВК. «...Поймать его на квартире, улице, это зависит от обстоятельств. Словом, здесь полностью можно применить 1 и 2 варианты похищения Люшкова. Если нам удастся вывезти его из Токио, то придется использовать моторную лодку...»²². В другой вариации 3-го плана Ким Ен Сун предлагал организовать убийство Люшкова также в Токио, но в заранее подготовленном доме.

Четвертым вариантом плана являлось создание диверсионной группы по похищению Люшкова²³. При этом Ким Ен Сун планировал приехать в Токио, остановиться на частной квартире, найти товарища и секретным путем начать собирать информацию об объекте. Для этого он временно (за 200–300 иен в месяц) мог жениться на японке. Со слов арестованного таких благоразумных (хитрых) и интеллигентных девушек в Токио можно было найти много. Поселившись недалеко от Люшкова, он планировал через свою жену, которая к тому времени уже познакомится и сдружится с супругой Люшкова, выйти на последнего²⁴. Далее оставалось лишь придумать метод ареста, нанять самолет на 5–6 человек или лодку и направиться в СССР²⁵.

Естественно, что столь наивные планы похищения человека, которого тщательно контролировали и оберегали спецслужбы Японии, вызвали у советских чекистов соответствующее отношение. Начальник УНКВД по Приморскому краю старший майор государственной безопасности М.М. Гвишиани 3 октября 1940 г. поставил на одном из многих писем Ким Ен Суна резолюцию «...Фантазировать продолжает. Приведите Ким Ен Суна ко мне на допрос»²⁶. Но арестованный, цепляясь из последних сил за жизнь, предлагал все новые и новые пути и способы вывода Г.С. Люшкова на советскую территорию. Примечательно, что задолго до «фантазий» Ким Ен Суна сотрудники советских органов НКВД-НКГБ разрабатывали собственные варианты вывода-доставки Г.С. Люшкова обратно в СССР.

По мнению большинства историков, 19 августа 1945 г. бывшего начальника УНКВД по ДВК застрелили сами японцы (причем дважды, т.к. первое ранение оказалось не смертельным. — *С.Т.*)²⁷ в период стремительного освобождения советскими войсками оккупированной Маньчжурии. Это, бесспорно, означает, что вышеупомянутые планы похищения Г.С. Люшкова не были реализованы. Почему? Однозначного ответа на данный вопрос рассекреченные на сегодняшний момент документы не дают. Можно предположить, что советская разведка была осведомлена о том, насколько глубоко беглец спрятан японцами, и не располагала возможностями для его захвата. В конце 1930-х гг. кадры НКВД изрядно пострадали от тотальной «чистки», что не могло не сказаться на их деятельности. Операция «Провокаторы», разработка которой началась в 1938 г., потребовала от приморских чекистов огромного напряжения усилий, и затевать еще одну рискованную игру (даже московским сотрудникам центрального аппарата НКВД) было нецелесообразно, тем более что секреты, переданные Люшковым японцам, уже не вернуть. Наконец, была еще одна причина, которая и в последующие годы сдерживала желание советских спецслужб пуститься на поиски предателя Люшкова. Перед чекистами стояла более важная задача: всеми средствами сдерживать иницилируемое Страной восходящего солнца нагнетание напряженности на дальневосточных рубежах. Выполнению этой задачи во многом способствовал успех «дальневосточного «Треста».

-
1. *Колтакиди А.И.* Энциклопедия секретных служб России. М., 2004. С. 312.
 2. *Пашков А.М.* За край родной — Дальневосточный: О деятельности Коммунистической партии и Советского правительства по организации и усилению охраны Государственной границы СССР на Дальнем Востоке (1920–1941 гг.). Южно-Сахалинск, 1985. С. 122.
 3. РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 162, Д. 22, Л. 120.
 4. Лубянка: Из истории отечественной контрразведки. М, 2007. С. 208.
 5. *Буяков А.М.* Органы государственной безопасности Приморья в лицах, 1923–2003 гг.: Очерки. Биограф. справ. Владивосток, 2003. С. 111.
 6. Лед и пламень. Владивосток, 1977. С. 216.
 7. Архив УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. 65, Пор. № 1526, Л. 66.
 8. *Буяков А.М.* Указ. Соч. С. 113.
 9. Лубянка... С. 218.; *Буяков А.М.* Указ. Соч. С. 114.

10. «Общество черного дракона» (яп. «Кокурюкай») — ультранационалистическая реакционная организация в Японии (1901–1946 гг.). Черный дракон — китайское и японское название р. Амур. Одной из основных задач «Общества черного дракона» была борьба методами шпионажа с Россией, а в 20–30-х гг. XX в. — с СССР. Кокурюкай была тесно связана с военно-политическим руководством и монополистической буржуазией Японии. Возникла как антирусское общество. Во многих странах Азии была создана разветвленная сеть организаций, которая использовалась для разведки, диверсий и пропаганды паназиатизма — главного лозунга Кокурюкай. В Японии Кокурюкай пропагандировала крайний шовинизм и боролась против прогрессивных, демократических сил. Традиции Кокурюкай сегодня продолжает возникшая в 1961 г. Кокурю кура-бу (Клуб черного дракона).
11. Лед и пламень. Владивосток, 1977. С. 209.
12. Архив УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. 65, Пор. № 1526, Л. 79.
13. Труд. 2000. 7 сент.
14. Лед и пламень. Владивосток, 1977. С. 214.
15. Буюков А.М. Указ. соч. С. 114.
16. Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 2,3; Николаев С. Комиссар, перебежчик, предатель // Труд. 1990. 5 авг.; Трехсвятский А.В. Дело Люшкова // Россия и АТР. 1998. № 1; Буюков А.М., Полутов А.В. Дальневосточный Гесс и государство-призрак // Дальневосточная панорама. Владивосток, 1991; Тумиис М.А., Папчинский А.С. «Я счастлив, что принадлежу к числу работников карательных органов...», или Истинные причины побега чекиста Люшкова за кордон // Новый часовой. 1998. № 6–7; Тумиис М.А., Папчинский А.С. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009; Тумиис М.А., Папчинский А.С. Почему Люшков бежал на кордон // Россия и АТР. 2000. № 1; Черушев Н.С. Удар по своим. Красная армия, 1938–1941 гг. М., 2003; На защите Отечества: Из истории Управления ФСБ РФ: Воспоминания сотрудников органов госбезопасности Хабаровского края в очерках, документах, рассказах и фотографиях / Авт.-сост. В.В. Богайчук. Хабаровск, 2001; Старков Б.А. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995; Хияма Е. Японские планы покушения на Сталина // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3–5; 1991. № 3–7; Хлевнюк О.В. 1937: Сталин, НКВД, советское общество. — М., 1992; Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. — Хабаровск, 1991; Мильбах В.С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007; Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2007; Куксин И. Побег столетия // Вестник (США). 1999. 17 авг.; Стефан Дж. Тайна ночного побега // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6 и др.
17. «Хотелось бы всех поименно назвать». Книга-мартиролог. Комсомольск-на-Амуре, 1998. Т. 2. С. 16.
18. ГАХК. НСБ. Инв. 6816. Почему бегут из СССР? Шанхай, 1939. С. 8.
19. Хияма Е. Японские планы покушения на Сталина // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 4. С. 135.
20. См. Буюков А.М., Полутов А.В. Дальневосточный Гесс и государство-призрак // Дальневосточная панорама. Владивосток, 1991.; Дело взято из архива... Сб. очерков истории органов государственной безопасности Камчатки. Владивосток, 2008.
21. Куксин И. Побег столетия // Вестник (США). 1999. 17 авг — [http:// www.vesnik.com/win/](http://www.vesnik.com/win/); дата обращения 13.11.2010 г.
22. ЦА ФСБ России. Ф. 3, Оп. 7, пор. № 399, Л. 191.
23. Там же. Л. 193.
24. Там же. Л. 194.
25. Там же. Л. 197 об.
26. Там же. Л. 193.
27. На защите Отечества. Хабаровск, 2001. С. 101.